

Ниу Синьян заправила волосы и объяснила низким голосом: "Не пойми меня неправильно, я просто хочу спросить Ду Вэя о том, что случилось в прошлом".

"Что случилось в прошлом?" Чэнь Хуэй встала и обратилась к ним издалека: "Вы не можете говорить об этом в доме, вам нужно идти в лес?"

Ду Вэй был смущен. Он подошел, чтобы взять Чэнь Хуэй за руку, но Чэнь Хуэй стряхнула ее. Он принужденно улыбнулся и сказал: "Боюсь, что разбуджу тебя. Я видел, что ты крепко спишь".

Чэнь Хуэй холодно фыркнула: "Ты боишься разбудить меня или пытаешься спрятаться от меня?"

"Как ты можешь так говорить, - сказал Ду Вэй с застенчивой улыбкой, - разве ты мне не доверяешь?" Как он сказал, он шагнул вперед, чтобы уговорить Чэнь Хуэй.

Пока они спорили, Ли Синиан потянул Фан Дайчуаня за запястье, и они сделали несколько шагов назад, осторожно пробираясь сквозь тень деревьев. Они так увлеченно спорили, что не обращали внимания на то, что происходило вокруг. Психологически это также объяснялось тем, что ум человека остается напряженным, если он не замечает ничего плохого. Однако после того, как человек решит, что он выяснил, в чем дело, и кто-то в этом убедился, он перестанет сохранять бдительность.

Они спрятались за деревом, соприкасаясь плечами, и шептались друг с другом.

Ли Синиан смотрел на движение там, его губы слегка шевелились: "Ты помнишь ту ночь, когда мы проводили обыск тела?"

Фан Дайчуань на мгновение замер, услышав его слова, его память вернулась ко второй ночи.

"Ниу Синьян носила нефрит Гуаньинь с иероглифом "корова", выгравированным на обратной стороне. В то время я был немного озадачен. Традиция ношения нефрита в Китае всегда заключалась в том, что мужчины носят Гуаньинь, а женщины - Будду. Зачем ей, женщине, носить нефритовую Гуаньинь с выгравированной на ней фамилией? Теперь, когда я думаю об этом, это, вероятно, не ее нефритовый кулон, а сувенир, оставленный ее мужем. Боюсь, что фамилия Ниу не является фамилией ее семьи".

Фан Дайчуань махнул рукой: "Я не боюсь этого, неважно, какая у нее фамилия, я боюсь ее ребенка. Ты сказал, что у ребенка раздвоение личности, но почему я чувствую, что это неправильно, что если внутри тела ребенка живет призрак?"

Свет маяка вдалеке вырисовывался над поверхностью моря, как призрачный огонь, вокруг было так тихо, что не было слышно ни звуков насекомых, ни птиц. Фан Дайчуань вспомнил сцену, как Ниу Синьян присела на корточки и поцеловала его сына той ночью, воспоминание

вызвало мурашки по коже, и он не мог удержаться, чтобы не потерять руки.

Он поднял руки перед глазами, уставился на свои стоящие дыбом волосы и прошептал: "Не помню, чтобы я тебе об этом говорил. В ту ночь, когда сумасшедший ребенок намочил гобелены в коридоре, я увидел то, что не должен был..."

Ли Синиан уставился на Ниу Синьян, которая говорила вдалеке. Выражение его лица было спокойным, но в горле у него похолодело. Он слушал шокирующую историю, его ресницы быстро дрожали, очевидно, он о чем-то думал.

Ссора там постепенно подходила к концу. Ду Вэй обнял свою девушку, взял ее за плечи и пошел обратно. За ее спиной он повернул правую руку и сделал жест в сторону Ниу Синьян.

Дождь постепенно возобновлялся и становился все сильнее. Несколько дней дождей в сочетании со все более частой геологической деятельностью привели к тому, что песок и почва на горе осыпались от воды и вибраций, обнажились твердые породы, погребенные под почвой. Собрались грозовые тучи, заслоняя ясное ночное небо.

Ниу Синьян молча стояла на склоне горы под таким ливнем, одетая в длинный тонкий жакет, который не мог удержать юбку ее пижамы, углы ее простой юбки развевались на ветру и под дождем. Она так промокла, что при отсутствии ветра прилипала к бедрам.

Ли Синиан жестом попросил Фан Дайчуаня спуститься с ними с холма, они хотели проследить за Ду Вэем и Чэнь Хуэй, чтобы услышать, о чем они говорят. При таком раскладе Ду Вэй обязательно что-то объяснит своей девушке. Что бы он ни сказал, это даст им хоть какую-то информацию.

Фан Дайчуань следовал за Ли Синианом, тихо притаившись и спускаясь с холма. На полпути вниз он оглянулся на склон горы, и ему показалось, что женщина, стоявшая под дождем, нежная и слабая, никогда не повышавшая голоса, в безбрежной темной ночи сейчас излучает жуткую призрачную ауру.

"Малыш, ты действительно слишком много думаешь", - Фан Дайчуань пришел в себя и услышал, как Ду Вэй, шедший впереди, сказал Чэнь Хуэй: "Это не то, что ты думаешь, как мне может нравиться Ниу Синьян? Ее сыну уже столько лет! "

Голос Чэнь Хуэй был явно очень недовольным: ""Кто может сказать наверняка? Ну и что, что она старше; она красивая, она нежная, она материнская, это не просто раз или два, что ты связался с женщиной на улице, у тебя нет совести, как у твоего отца."

"Эй, - Ду Вэй сухо рассмеялся и положил руку на ягодицы своей девушки, потирая их во время ходьбы, с искусным и эротичным прикосновением, - я не буду с ней возиться, если я и буду возиться, то только с такой горячей девушкой, как Ян Сон, которая такая красивая и молодая, или Дин Цзыхуэй. Женщина, которая родила ребенка, зачем мне с ней возиться?"

Фан Дайчуань нахмурился, ему было невыносимо слушать. Он прошептал на ухо Ли Синиану: "Почему я раньше не видел, что он такой мерзкий?".

"Ты не его девушка, как ты можешь знать его истинное лицо?" Ли Синиан спокойно сделал шаг назад и пригнулся, как будто ему было неприятно, что его трогают за ухо.

"Красивая вдова все еще очаровательна, хмф, вы, мужчины..." Чэнь Хуэй все еще была угрюма, игнорируя его.

Ду Вэй фыркнул и рассердился: "Ты все еще говоришь об этом, неужели тебе не надоело, неужели ты не понимаешь, что сказал Лю Синь? Что за вдова, рядом с ней ее "сын", я действительно не смею связываться с ней!"

"Ты сказал, - прошептал Фан Дайчуань, - что там с ее "сыном"?"

Ли Синиан щелкнул языком: "Черт его знает".

Возможно, это действительно призрак, подумал Фан Дайчуань, дрожа от страха.

Чэнь Хуэй холодно фыркнул и постучал рукой по ее заднице: "Когда я вернусь, я с тобой разберусь".

"Как ты собираешься это сделать?" Ду Вэй подошел к ней с лукавой улыбкой и дважды легонько стукнул Чэнь Хуэй плечом: "Как ты собираешься со мной разбираться?"

Как воры, Ли Синиан и Фан Дайчуань в темноте поднялись на второй этаж вслед за этими двумя.

В воздухе стоял неприятный запах воскового масла, как будто что-то жгли, Ли Синиан поборол желание закашляться и прикрыл рот рукой. Двое мужчин прятались в углу на втором этаже, в том же углу, где когда-то прятался Фан Дайчуань, прижавшись спиной к двери комнаты Ли Синиана.

Пространство было настолько маленьким, что двум высоким мужчинам было немного тесновато, голая рука Фан Дайчуаня коснулась руки Ли Синиана, и оба вздрогнули.

<http://bllate.org/book/16082/1438674>